

[Письмо Воронского И. В. Сталину, 11 ноября 1924 г.]¹

Строго секретно. Только лично.

Тов. Сталин,

Постановлением Оргбюро ЦК от 29/VIII-24 г. я был смещен как ответственный редактор "Красной нови". Была назначена коллегия в составе А.Воронского, Ф.Раскольников и В.Сорина. Я попытался сработаться с новыми членами коллегии, но в настоящее время пришел к убеждению, что попытки эти не могут дать положительных результатов благодаря целому ряду перемежающихся обстоятельств.

1. Литературная линия, взятая тов. Канатчиковым, заведующим Отделом печати ЦК, является совершенно откровенной, напостовской линией. Практическое проведение этой линии уже теперь усугубили тяжелые подавленные настроения среди писателей, "попутчиков" и не попутчиков. Канатчиков уже сейчас сумел создать убеждение, что коммунистической партии художественная литература не нужна помимо *явно и узко* пропагандистской, что ЦК поддерживает заушательскую и вульгарную точку зрения Родовых и т.д. При таком положении работать на литературном фронте, оставаясь не напостовцем становится бессмысленно и тяжело, особенно таким работникам, как я, стремившимся создать мостик между попутнической литературой и советской властью, ибо это дело само по себе нелегкое и требует большой гибкости и осмотрительности. По существу же т. Канатчиков и его сторонники нарушают решения XII съезда партии, где говорится, и то ни одна литературная группа не имеет права говорить от имени партии.

2. Всякий журнал должен иметь свое лицо. Такого лица, как я убедился на практике, при теперешнем составе редакционной коллегии у "Красной нови" быть не может. Я антинапостовец, тов. Раскольников — напостовец, тов. Сорин занимает позицию неопределенную, практически работу ведут: я и Раскольников. Уже теперь происходят показательные расхождения. Дважды в редакцию представлялась статья тов. Лелевича, одного из лидеров напостовщины, статья, по моему твердому убеждению, являющаяся грубым искажением литературных взглядов Г.В.Плеханова. Тов. Раскольников собирается на страницах "Красной нови" свести счеты с литературными взглядами тов. Троцкого, поддерживавшего общую литературную линию "Красной нови". Правда, новые члены редакционной коллегии не настаивали ультимативно на своих предложениях, но самые факты предложения достаточно выявляют их истинные настроения. Они стоят в ярком противоречии со всей позицией "Красной нови". Так как я имею в редакции один голос, а они — два, то во всякий момент может случиться, что Родовы и Лелевичи водворятся в журнале. До сих пор я практически являюсь главным работником, ибо у меня в руках все главные литературные связи. Легко понять, в каком положении я нахожусь. Гнуть спину и проделывать главную *черновую* работу и постоянно предполагать, что в любой момент я могу быть в меньшинстве, а напостовцы в большинстве — дело куда как невеселое. Подчеркиваю неизменную корректность и тов. Сорина, и тов. Раскольникова, но

положение от этого не меняется. Словом, получается: лебедь, щука и рак.

3. Троцкизм. Тов. Раскольниковым сделано заявление, что "Красная новь" обязана выступить против тов. Троцкого в связи с последней литературной полемикой вокруг Октября. Я не считаю своевременным выступление тов. Троцкого, считаю ряд положений, высказанных в его предисловии, неверными, но еще больше я сомневаюсь в вардиновских наскоках. Есть, однако, еще обстоятельства, которые, по моему убеждению, следует учитывать при решении вопроса, поставленного тов. Раскольниковым. Прежняя "Красная новь" пользовалась при проведении литературной линии (если брать ее в целом) определенной и яркой поддержкой со стороны тов. Троцкого. Принимать участие в той полемике, которая теперь ведется, прежней «Красной нови» как-то нехорошо и неудобно и едва ли целесообразно. Впрочем, последний вопрос имеет для меня второстепенное значение в том смысле, что он не делает моего пребывания в редакционной коллегии невозможным уже по одному тому, что я дисциплинированный и старый член партии, но, думается, указанные соображения могли бы быть учтены товарищами, определяющими общественно-политическую линию нашей партии в отношении к журналу "Красная новь". Раз речь зашла о «троцкизме», считаю нужным прибавить, что такового я не проводил и не провожу. С таким же правом меня [можно] упрекнуть в сталинщине (см. рецензию на книгу Сталина, воспоминания Розанова), в зиновьевщине (см. ст. Капелюша) и пр. Пишу об этом потому, что по имеющимся у меня со стороны сведениям, перемена редакции в значительной мере обусловлена моим не то скрытым, не то открытым троцкизмом. С тов. Троцким я уговаривался относительно статей, как уговаривался и просил Бухарина и других. В частности, тов. Троцкого я просил давать материал нейтральный.

По силе сказанного прошу:

1. Разрешить запутанное и тяжелое положение в редакции, когда литературно-художественное лицо журнала "Красная новь" приходится определять фактически двум товарищам, стоящим на разных литературных позициях. В интересах дела я считал бы возможным пребывание в "Красной нови" в должности *ответственного* редактора совместно с такой редакционной коллегией, которая обеспечивала бы ЦК *его политическую линию* и давала бы возможность продолжать давать лучшие образцы современного художественного слова и не принимать участия в напостовской вульгарщине, в противном случае лучше меня устранить.

2. Прошу ЦК обратить серьезное внимание на то разложение, которое наблюдается в писательских кругах. Очень бы было целесообразно созвать небольшое совещание при ЦК, чтобы наметить некоторые вехи.

А. Воронский.

11/XI-24 г.

---

¹ РЦХИДНИ, Ф. 17, Оп. 112, Д. 612, Л. 35-37, в книге: Динерштейн Е. А., А. К. Воронский. В поисках живой воды, М., РОССПЭН, 2001, стр. 137-139.